

Средний класс в современной России: миф или реальность?

Автор: Р. Х. СИМОНЯН

Глобальные общественные изменения диктуют новые методологические подходы к проблемам структуры современного социума, которая начинает формироваться не по какому-то одному главному критерию, например экономическому (собственник - не собственник), а по целому ряду критериев, характеризующих различные аспекты социального положения людей. В этой ситуации такая характеристика, как "уровень благосостояния", в современных условиях оказывается не вполне адекватной, если ее интерпретацию ограничивать только экономическим аспектом. Критерий доходов и связанный с ним критерий потребления в настоящее время все явственнее вытесняются другими - свобода, творчество, безопасность, наличие благоприятной социальной среды, возможность распоряжаться своим временем. Да и само потребление определяется не столько рациональностью, сколько престижем, традициями и истинными или мнимыми нормами респектабельности. Еще в 1920-е гг. А. Пигу к определению понятия "благосостояние" подходил социологически, вводя в него, помимо сугубо экономических, широкий набор качественных и субъективных элементов и устанавливая их взаимосвязь. Благосостояние, по его определению, это не просто материальный достаток, но и то, насколько психологически комфортно и уверенно чувствует себя человек и какова степень его удовлетворенности жизнью¹.

К сожалению, в теоретических подходах к анализу социальной структуры постсоветской России вообще и ее среднему классу в частности в отечественном общественном сознании все еще доминирует узкоэкономический взгляд. Но уровень социального и психологического самочувствия людей зависит не только от материального благополучия, но и от многих других факторов, в том числе от внешней среды - от социума, в котором проходит их жизнь. Разве в 1930-е гг. в СССР было мало материально обеспеченных людей - как среди высших чиновников, так и среди творческой интеллигенции? Но государство, в котором они жили, не обеспечивало ни безопасности, ни свободы, ни уверенности в завтрашнем дне.

Целью общественных преобразований России, начатых в 1991 г., было построение гражданского общества и правового, демократического государства. Именно такое общественное и государственное устройство, как показывает исторический опыт, способно обеспечить населению не только высокий уровень жизни, но и высокое качество свобод. Однако подобно тому, как благосостояние нельзя рассматривать только в экономическом формате, так и демократию нельзя сводить к форме общественного управления.

___ ¹ В этом тезисе ничего принципиально нового нет: действует Марксов закон возвышения потребностей.

С и м о н я н Ренальд Хикарович - доктор социологических наук, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

Демократия - феномен массового сознания, основанный на принятии определенной системы ценностей, в которой частная собственность - одна из основополагающих. Точно так же понятие "частная собственность" (как и тесно связанное с ней "средний класс") содержательно глубже, чем просто обладание капиталом или имуществом. Оно означает обладание тем личным социальным пространством, за черту которого заходить никому, в том числе и государству, нельзя, то есть строгую очерченность индивидуальности. Эта граница в правовом государстве табуирована всем комплексом его элементов. Свободная от государства частная собственность - социально-экономический фундамент демократии, гарантия разделения собственности и власти. Исторический опыт подтверждает, что демократия и частная собственность неразрывно связаны, так как собственность есть в то же время и источник уважения к другим, ответственности и готовности к компромиссу. Благодаря собственности люди имеют возможность обсуждать свои разногласия, избегая присущих люмпенам отчаяния и экстремизма - главных разрушителей демократии.

В то же время частная собственность - это и определенное экзистенциальное отношение даже не к вещи (неважно, какая это вещь - материальная, например, собственный компьютер или духовная - собственная к нему программа), а к другому человеку через вещь. Следовательно, нельзя отрывать экономическую составляющую понятия "собственник" от этической. Относясь к вещи, человек определяет свое отношение к другим людям. Вступая с ними в экономические отношения, собственник вступает прежде всего в нравственные отношения. Иначе говоря, понятие "частная собственность" содержит и важный нравственный элемент.

Этическая составляющая социальных отношений играет важную роль в формировании гражданского общества. Еще в XIX в. Г. -В. -Ф. Гегель утверждал, что первый принцип гражданского общества - индивид: "конкретное лицо, которое есть для себя как особенная цель, как целостность потребностей и смешение природной необходимости и произвола, но особенное лицо как существенно соотносящееся с другой такой особенностью, так что каждое из них утверждает свою значимость и удовлетворяется только как опосредованное другой особенностью и вместе с тем как всецело опосредованное только формой всеобщности, другим принципом гражданского общества". При этом немецкий философ подчеркивал, что "в гражданском обществе каждый для себя - цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие - суть средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу" [Гегель, 1990, с. 227]. Здесь великий философ указал на оптимальность отношений личности как совокупности социальных связей, принадлежащего ей пространства и этических границ этого пространства в социуме.

Имея в виду именно эту, социальную, функцию института собственности и связанные с ней противоречия, Л. Мизес подчеркивал: "Частная собственность не является привилегией владельца собственности, а является общественным институтом (выделено мной. - Р. С.), служащим добру и выгоде, несмотря на то, что она может в то же время быть особенно приятной и полезной для некоторых" [Мизес, 1995, с. 35]. Гражданское общество не может быть создано без уважения к частной собственности: не только она сама, но уважение к ней - равнозначные составляющие такого общества. Однако частная собственность утвердилась на Западе и получила признание именно потому, что там она служит не только частному, но и общему благу. Примеряя этот тезис к нынешней России, нельзя не задаться вопросом: можно ли ожидать от населения уважительного отношения к собственности, полученной в результате криминальной приватизации 1990-х гг.?

Наконец, важно выделить и такую черту правового общества: собственник в нем - субъект свободы. В этом и суть либерального демократического государства. Поэтому категорию "собственник" нельзя сводить к критерию уровня потребления: ее социально-политическая компонента - самая приоритетная в процессе формирования совре-

менного гражданского общества. В этой связи любопытно отметить, что примерно за 20 лет до Гегеля граф Н. Мордвинов в подготовленном им указе от 12 декабря 1801 г. написал: "Лишить собственности... есть нарушить первый закон, коим благоустроенное правительство отличается от насильственного... Собственность есть первый камень. Без оной и твердости прав, ее ограждающих, нет никому надобности ни в законах, ни в отечестве, ни в государстве". Далее Мордвинов справедливо и дальновидно полагал "предварить освобождение крепостных" созданием в России прочного статуса гражданина (цит. по [Новое... 2005, с. 9 - 10]).

Чем больше собственников, тем надежнее общественный фундамент демократического государства. Не узкий слой сверхбогатых и не люмпены, а сердцевина социальной структуры - многочисленное сословие собственников создают широкую основу гражданского общества. Но представители этого сословия не просто обладатели определенного размера собственности, но носители базовых ценностей гражданского общества - личного достоинства и независимости, основанной на самоуважении, самостоятельности в оценках, общественно-политической активности, иммунитета к социальному манипулированию и многих других, которые и делают средний класс основой гражданского общества.

Именно такая картина характерна для устойчивых и развитых демократий Запада. Л. Эрхард, заложивший основы современной социально-экономической системы Германии, охарактеризовал в 1954 г. средний класс как "граждан, которые готовы нести за себя ответственность и обеспечить свое существование собственным результативным трудом. Качественными признаками достоинств среднего класса являются чувство собственного достоинства, уверенное и стабильное социальное положение, независимость существования и суждений, смелость поставить свое существование в зависимость от результативности собственного труда и желание заявить о себе в свободном обществе и свободном мире" [Эрхард, 1998, с. 108]. Спустя полвека первый премьер-министр Эстонии Э. Сависаар, анализируя социальную структуру своей страны, дал, по сути, аналогичное определение среднего класса, выделив следующие его характеристики: относительно высокое качество жизни, высокий уровень образования и хорошая подготовка по специальности, конкурентоспособность на рынке труда, создающая чувство безопасности, умение самостоятельно получать, анализировать и обобщать информацию о событиях, происходящих в стране, эффективная самореализация в обществе, активное воздействие на значимые социальные процессы, высокое чувство миссии, ориентация не только на себя и свою семью, но и на общество в целом [Сависаар, 2003, с. 145]. Иначе говоря, когда речь идет и о сформировавшихся, и о формирующихся гражданских сообществах, акцентируется этическая и социально-политическая компоненты понятия "средний класс".

В отличие от экономических преобразований в странах Восточной Европы и Балтии реформы 1990-х гг. в Российской Федерации, и прежде всего приватизация, привели к полной дискредитации демократических и либеральных ценностей в сознании значительной части общества. Рост авторитарных тенденций в нынешней России, желание "твердой руки", которое четко оформилось ко второй половине 1990-х гг. в широких массах населения, посчитавших себя ограбленными, - логическое следствие деятельности отечественных реформаторов.

Еще один их просчет (или методологическая ошибка) состоял в том, что отношения собственности изначально рассматривались ими лишь в экономической плоскости. Шлейф применения узкопрофессиональных дефиниций тянется с 1992 г. в сегодняшний день, когда наши видные экономисты, давая определение среднему классу, сводят его к простейшему количественно-потребительскому критерию, например, два автомобиля на одну семью. Это автоматически делает любого "братка" из солнцевской или тамбовской мафии столпом гражданского общества. К сожалению, такой важнейший признак принадлежности к среднему классу, как социально-политический, не принимается во внимание у нас не только экономистами, но даже и многими социологами. В такой под-

мене понятия "средний класс" понятием "среднее потребление" можно видеть проявление курса на идеологизацию экономических реформ.

Отсюда ведут начало многочисленные российские парадоксы, отражаемые исследованиями. Так, петербургские социологи отмечают, что многие респонденты относят к представителям среднего класса не учителей, инженеров, юристов, врачей, а исключительно собственников - владельцев частного бизнеса и т.п., поскольку люди без образования зарабатывают значительно больше, чем образованные [Герасимова, Громова, Шпаро, 2005, с. 173].

Еще разительнее результаты проведенного в 2006 г. опроса сельского населения Красноярского края: оказалось, что более 80% опрошенных относят себя к среднему классу. Во многом такие самооценки связаны с низким уровнем притязаний, низкими стандартами потребления: действительно, если у деревенского жителя есть своя изба, огород при ней, в лесу ягоды и грибы, а в реке можно наловить рыбы, то чем он не средний класс? Кроме того, такая самооценка часто связана просто с тем, что респондент живет, как все вокруг него. Но гораздо чаще это - результат индоктринирования и манипуляций с массовым сознанием, о котором речь пойдет ниже. Здесь же необходимо учесть, что индивид рассматривает себя с точки зрения множественности своего "я". Каждая его черта приобретает как бы право на самостоятельное существование и оценку. Человек может, например, высоко ценить свое состояние и в то же время низко оценивать происхождение или наоборот. Такое несоответствие в оценках различных сторон одной и той же личности порождает внутреннюю дисгармонию. Поэтому индивид дает общую оценку себе как личности, исходя из тех своих качеств или способностей, которые он сам ценит больше всего. В этом случае оценка окружающих по какой-либо иной шкале предпочтения также противоречит его чувству самоуважения.

Качества (черты), на которых личность основывает его, могут не быть связаны с такими параметрами социального статуса, как образование, профессия, источник дохода и т.п. В социологии права подобная ситуация называется "несоответствия статуса" (status incongruence). Наиболее массовая часть российской интеллигенции - врачи, учителя, работники культуры - наименее оплачиваемые государственные служащие, значительная часть которых живет за официальной чертой бедности. Но их самовосприятие в качестве представителей среднего слоя определяется не столько уровнем потребления, сколько уровнем общественно-профессионального авторитета. Наконец, признание своей принадлежности к низовому социальному слою создает для человека бремя постоянного психологического дискомфорта, что инстинктивно побуждает его избегать подобной ситуации. Словом, высокий удельный вес причисляющих себя к среднему слою означает в действительности, что у нас в стране одновременно существуют его виртуальная и реальная ипостаси, что еще больше усложняет само понятие "социальная структура общества".

В настоящее время в отечественной литературе отсутствует четкое представление как о среднем классе, так и о критериях его выделения. Поиск его прототипов среди элементов социальной структуры обнаруживает лишь средний потребительский слой, обладающий культурным и деятельностным потенциалом и претендующий на выполнение соответствующих функций. Наличие среднего потребительского слоя требует изучения возможностей и вероятности превращения его в полноценный класс. Но для этого, справедливо полагает В. Умов, необходимы такие важные условия, как модернизация и структурные преобразования экономики, изменение психологии, формирование определенных мировоззренческих характеристик, новых стереотипов социального поведения, то есть для созревания среднего класса требуется достаточно длительный период [Умов, 1993, с. 34 - 35].

Ущербность узкоэкономического подхода к термину "средний класс" ощущают многие социально мыслящие экономисты. "Для того чтобы срединный слой выполнял функцию социального стабилизатора и источника социального развития недостаточно условия его массовости, - подчеркивают Е. Аврамова, О. Александрова и Д. Логинов, - важно, чтобы этот слой выполнял целый набор социально-политических функ-

ций" [Россия... 2004, с. 244]. В перечне этих функций обычно выделяются законопослушность и независимость представителей рассматриваемого слоя, поддержка ими институтов гражданского общества, интегрирующих и отстаивающих их интересы на политическом уровне. Важно также отметить, что "только совокупность перечисленных компонентов может выступить одним из факторов "превращения" индивидов, занимающих срединные положения в социальных иерархиях, в представителей среднего класса" [Саблина, 2000, с. 101].

Приоритет экономического базиса над социальной (психологической, политической, идеологической) надстройкой, индоктринированный в общественное сознание примитивно понимаемым марксизмом, оказался весьма востребованным российской неонеоменклатурой, которая на этом формальном и некорректном основании акцептирует наличие среднего класса в современном обществе. Действительно, материально состоятельные люди в нынешней России образуют немногочисленную, но постепенно увеличивающуюся группу в составе населения: ведь мировые цены на нефть растут уже более семи лет. Но может ли даже высокопоставленный чиновник, берущий взятки, или крупный предприниматель, дающий их (или вынужденный их давать), считаться гражданином в строго общественно-политическом значении этого слова? И тот и другой несвободны. Они не столько граждане, сколько верноподданные власти, точнее - повязанные с ней поделщики. Но "даже не взяточник, не подхалим, а добросовестный чиновник, твердящий про лояльность президенту как высшую ценность, - замечает в этой связи писатель Б. Акунин, - тоже никакой не государственный - он вассал. А если власть идет неверным путем, если действует во вред государству?" (Огонек, 18 февраля 2005 г.).

Коррупция, на рост которой не устают указывать представители российской власти, стала ныне существенным элементом государственного механизма. В свое время парагвайский диктатор А. Стреснер - искусственный знаток латиноамериканской версии капитализма, метко подметил: коррупция порождает сопричастность, сопричастность - преданность, преданность - пресмыкание. То есть чем больше коррупция, тем больше средств давления на тех, кого сегодня у нас охотно, но необоснованно относят к среднему классу. Никаких общественных функций за полученной собственностью ее владельцы не признают. Криминальная приватизация по определению не могла создать условий для появления среднего класса, и нынешний слой российских собственников так же далек от него, как блатная "феня" от русского литературного языка². "Российский собственник является носителем криминального, а не рационального типа сознания... Наша сегодняшняя трагедия состоит в том, что богатства оказались в собственности криминального класса, который способен захватывать чужое добро, но не способен созидать. При этом он сознает незаконность сделанных им приобретений и, обладая уголовной психологией, смотрит на собственность других отнюдь не с уважением, как принято в цивилизованном обществе, а так, как принято в уголовной среде, т.е. как на очередную желанную добычу" [Дзарасов, 2005, с. 250 - 254].

Точно так же трудно предполагать у нынешних российских собственников наличие развитого гражданского самосознания, ответственности за свою страну, каких-то политических взглядов. "За прошедшие 15 лет (за исключением редких особей) в России так и не появился класс созидательной буржуазии, - считает бывший пресс-секретарь первого президента России В. Костиков. - Класс, осознающий как свои права, так и обязанности. Большинство "деловых людей" застряли в роли перекупщиков, спекулянтов, рейдеров, теневиков, биржевых игроков, мастеров "слияний и поглощений" и организаторов иных сомнительных услуг. И для них, чем меньше законов ведения бизнеса, тем лучше. Поэтому в России и нет ни одной настоящей буржуазной партии" [Костиков, 2007].

² В этом плане показательна лексика нынешних верхов российского общества, которые говорят: "откат", "наехать", "парить", "крышевать", "кинуть" и, наконец, знаменитое "мочить". Это - лексика уголовников.

Такого рода наблюдения подтверждают социологические исследования. В ходе проведенного в 1999 г. Институтом социально-политических исследований РАН репрезентативного опроса населения России 69,6% респондентов, относящих себя к верхнему слою, 71,4% - к бедному слою и 78% - к низшему слою, отметили, что "совсем не важно иметь политические убеждения". В среднем слое разделявших эту позицию оказалось 77,4%, и только 1,8% придерживалось противоположного мнения [Российское... 2000, с. 222]. Весьма отрезвляющие цифры для конструкторов виртуальных социальных структур!

Разумеется, социально-политический признак среднего класса не столь актуален для западного общества, давно вышедшего на такой уровень гражданской зрелости, которая становится гарантией устойчивости всей демократической общественной системы. Формирование гражданского общества и правового государства для Западной Европы - давно решенные и уже забытые проблемы: английская Великая хартия вольностей, зафиксировавшая незыблемость института частной собственности, как известно, датируется XIII в. Но для постсоветских государств социально-политический критерий сохраняет определяющую роль, и не принимать ее в расчет в переходный от тоталитарного к гражданскому обществу период - серьезная методологическая ошибка. Современную ситуацию в стране определяют не столько количественные, сколько качественные характеристики. Например, проблема участия в выборах в переходных обществах заключается отнюдь не в ограничении права избирать, а в том, как это право реализуется: насколько переходные процессы сделали общество демократическим, существует ли эффективный социальный контроль за поведением власти. Выражаясь словами Э. Фромма, "если же каждый голосует, а подсчет голосов ведется нечестно, или же, если голосующий боится проголосовать против правящей партии, - страна недемократична" (цит. по [Российское... 2000, с. 222]). Таким образом, исторический опыт и социальная практика убедительно показывают: само по себе наличие или отсутствие среднего класса - характеристика не только и не столько жизненного уровня общества, а скорее - ступени его социально-экономического развития.

Реформаторам в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, включая и страны Балтии, удалось в значительной мере избежать тех ошибок, которые совершили российские реформаторы. В этих странах в отличие от России одновременно происходили процессы реформирования и государства, и общества. Вместе с проведением экономических реформ в этих странах настойчиво стимулировались процессы развития гражданских институтов - добровольных политических, экономических, профессиональных, культурных и территориальных объединений граждан, составляющих организационный каркас гражданского общества. Без развития этого промежуточного между "верхами" и "низами" уровня социальной организации общества нельзя осуществлять полноценный диалог между властью и народом. Деятельность таких институтов (включая политические партии, профсоюзы, многочисленные общественные организации и СМИ), исполняющих роль социального мезоуровня в политической коммуникации, обеспечивала ориентирование общественного сознания на принятие и усвоение всего спектра либерально-демократических ценностей, а не только на его сугубо экономическую часть.

В нашей стране обозначенный социальный мезоуровень практически отсутствует. А новые российские капиталисты - потенциальные представители среднего класса, исходя из того, что общего блага не существует вообще и, следовательно, они не имеют к этому никакого отношения. Современный российский собственник все, попавшее в его руки, рассматривает как добычу и личную привилегию. "Этим он отличается от своего западного двойника, который признает, что частная собственность необходима не только для частного присвоения, но и для выполнения определенных общественных функций. Без этого она всегда будет объектом общественного посягательства и не сможет остаться неприкосновенной" [Дзарасов, 2005, с. 249].

Тем не менее отечественные массмедиа демонстрируют уверенность в наличии среднего класса (именно класса, а не слоя!) в социальной структуре нашего общества. Ги-

пертрофированная частота упоминаний в российском политическом лексиконе о среднем классе, который то ли уже существует, то ли должен быть форсированно создан, чтобы образовать основной стержень демократического общества, обусловлена рядом причин. К ним, в частности, "следует отнести... сменившие знак рудименты прежнего мифологизированного сознания. С советских времен в этом сознании застряло представление, согласно которому в обществе должна существовать массовая социальная группа, составляющая опору существующего политического режима. В свое время ею считался рабочий класс. Теперь у нового режима должна появиться своя социальная опора - средний класс. Если его нет, то его следует создать, а если не получается - то, в крайнем случае, придумать" [Галкин, 2004, с. 88]. Педалирование темы среднего класса в официальной лексике властных структур и контролируемых ими СМИ порождает один из многих фантомов, призванных демонстрировать достижения экономических реформ.

Еще П. Бурдые отмечал, что уже само обозначение социальных групп - эффективный механизм управления массовым поведением. Достаточно вспомнить пресловутую "прослойку" между двумя "полноценными" классами в СССР. Это политическое клише не только указывало для интеллигенции место в социальной структуре, но и заранее дезавуировало ее претензии на социальное творчество. Так, власть, наклеивая достаточно обидный, если не сказать, презрительный, ярлык на самую независимую и, следовательно, потенциально опасную для нее часть общества, предусмотрительно снижала ее социально- психологический статус. Внедрение в массовое сознание стереотипных понятий, к которым относятся соответствующие обозначения социальных групп, - один из эффективных рычагов воздействия на него. Известно, что продвижение "своих" интерпретаций понятий в символическом пространстве является идеальным отражением реального межгруппового взаимодействия, в ходе которого идет постоянная борьба за реализацию ""своего" варианта общественного развития, то есть - будущего" [Степанова, 2003, с. 46 - 47].

Под замещением понятия "среднее потребление" понятием "средний класс" имеется и вполне определенная идеологическая подоплека. Этот фантом можно использовать в общественном мнении как некий положительный итог постсоветских преобразований. "При отсутствии в России среднего класса, - отмечает в этой связи член-корреспондент РАН Р. Гринберг, - почти половина населения отождествляет себя со средним классом - то есть более или менее довольны жизнью, что еще больше укрепляет уверенность власти в правильности своего поведения" [Гринберг, 2004, с. 109].

В реальности же потребительская серединка - и та, которая существует реально, и та, которая себя таковой осознает, - не составляет никакого класса и не может им быть. "Искусственно создать, вырастить такой (или какой-либо иной) "класс" невозможно, да и не нужно. Если нынешнему российскому обществу недостает стабильности и - особенно - уверенности в будущем (в будущей стабильности), то это не потому, что в нем мало "средних", а потому, что в нем нет структуры, которая связывает в одно общественное целое людей разных профессий, слоев и состояний, задает правовые и моральные рамки социального действия, короче говоря, превращает человеческое множество в народ, а стабильную инертность "середины" в динамическую устойчивость мобильной развивающейся структуры", - подчеркивает Ю. Левада. "Средний" же человек, который стремится выжить, оставаясь средним, - фактор той стабильности, которой, фигурально выражаясь, обладают лежачий камень или стоячее болото [Левада, 2000, с. 304]. Для социума такая стабильность недостаточна и ненадежна: если люди хотят просто выжить, они будут готовы адаптироваться к любому режиму и его переменам. Устойчивость общества и, тем более, общественного прогресса не может опираться на пассивное терпение большинства. Общество стабильно, когда оно организовано, когда люди и группы знают и умеют отстаивать свои права, ориентироваться на более высокие образцы, когда есть место как для "середины", так и для механизма, который может преодолеть ее ограниченность. Впрочем, в современной России более актуальна уже не столько проблема среднего класса, сколько обостряющееся противоречие между еще

хорошим образованием и становящейся все более примитивной экономикой. Целый ряд ведущих российских вузов в последние годы готовит кадры фактически для чужих стран, в результате чего не только уменьшается перспектива создания среднего класса, но и происходит более опасное - интеллектуальная деградация общества.

А были ли у новой России возможности для создания реальных предпосылок формирования среднего класса и на этой основе гражданского общества? Сегодня в связи с обострением противоречий в оценках итогов общественной трансформации за последние 15 - 20 лет этот вопрос приобретает особую актуальность. На мой взгляд, такие возможности были. Хотя результаты исследований динамики социальной структуры в позднесоветский период слабо представлены в нашей научной литературе, не подлежит никакому сомнению, что по мере вхождения СССР в постиндустриальную стадию в его социальной структуре в 1970 - 1980-е гг. происходили значительные изменения, сопровождавшиеся эволюцией государственного контроля над обществом. В распоряжении государственной машины уже не было средств для организации тотального давления на массовое сознание, которыми оно располагало до середины 1950-х гг. Импульс к аккумуляции демократических идей в общественном сознании, произошедший в 1960-х гг. во время "оттепели" - красноречивое тому свидетельство. Стали накапливаться если не элементы, то определенные предпосылки образования гражданского общества: появление большого слоя преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры. Характерными чертами многих представителей этого слоя были не только общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов (заработок заведующего сектором научно-исследовательского института или профессора вуза соответствовал заработку высокопоставленного чиновника), но и самостоятельность мышления, высокая самооценка и соответствующее чувство собственного достоинства.

Иначе говоря, в России к началу 1990-х гг. если и не сложился, то, как минимум, начал складываться достаточно многочисленный средний класс. Анализируя массовые солидарные действия представителей этой весьма значительной части российского общества, можно говорить и о проявлении ее важнейшего признака - классового самосознания.

В этот класс входили многочисленные группы интеллигенции и высококвалифицированных рабочих. Их интеллектуальный и творческий потенциал в масштабах социума был никак не меньше, чем в социалистических странах Центральной и Восточной Европы и Балтии. Именно эти масштабные качественные сдвиги в социальной структуре советского общества (а вовсе не личностные характеристики советской и российской номенклатуры, как это принято упрощенно трактовать) создали необходимые условия для безболезненного ухода в 1991 г. от административно-командной системы. Тридцать тысяч граждан, стоявших августовскими ночами вокруг Белого дома, во всей реальности своего нравственного выбора представляли именно этот класс.

Особенно была заметна данная общественная группа в крупных промышленных городах. Здесь Россия имела безусловное преимущество перед другими союзными республиками, в том числе и перед демонстрирующими сегодня значительные успехи в социально-экономическом развитии республиками Балтии. РФ располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции, как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие, что выдвигало ее на первые позиции целого ряда направлений в мировой иерархии интеллектуальных стран. Именно из этих научных центров в начале 1990-х гг. началась массовая эмиграция на Запад высококвалифицированных специалистов, не востребованных в новых условиях, чей инновационный потенциал не был использован реформаторами в строительстве новой России.

Более того, именно эта социальная группа испытала наибольшую экономическую и социальную дискредитацию в процессе проведения реформ. От нее новые российские власти постарались как можно быстрее избавиться, и большинство ее представителей оказались выброшенными на обочину социальной жизни. На вещевых рынках больших

Таблица 1 Экономическая стратификация населения России

Основные страты	Доля населения (в %)	Уровень текущих денежных доходов (долл. США в расчете на душу в мес.)
Богатые и очень богатые	5	Свыше 2000
Состоятельные, высокообеспеченные	10	1000 - 2000
"Середина" (прототип среднего класса)	20	120 - 1000
Малообеспеченные	25	60 - 120
Бедные (в том числе "социальное дно")	40 (8)	Ниже 60

Источник [Римашевская, 2003, с. 116].

и малых городов России в 1990-е гг. можно было увидеть и выпускников известных за рубежом советских вузов, и их преподавателей, и инженерно-технический персонал ведущих промышленных предприятий, и других высокообразованных профессионалов. Не меньшее количество представителей этого слоя, как уже упоминалось, эмигрировали. Десятки тысяч высококвалифицированных специалистов в различных отраслях науки и производства успешно трудятся сегодня в США, Канаде, Великобритании, Германии, Франции, Израиле, Австралии и многих других государствах. Показательный факт: газеты на русском языке выходят сегодня в 68 странах мира. Таким образом, один из самых главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству - творческий ресурс населения - вместо того, чтобы быть использованным, оказался в России во многом разрушенным. А путь к созданию гражданского общества оказался более долгим и извилистым, чтобы не сказать - на многие годы заблокированным. И лишь по прошествии 15 лет с момента начала реформ происходит драматическое осознание этого факта.

Переходя от качественных оценок так называемого отечественного среднего класса, а на самом деле - среднего потребительского слоя, к количественным характеристикам, также необходимо подчеркнуть, что его удельный вес в реальности не столь статистически значим, как это индоктринируется российскими СМИ. Подтверждение тому - результаты исследования, проведенного Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН в 2001 - 2002 гг. (см. табл. 1).

Пожалуй, стоит обратить внимание на еще один показатель, наиболее адекватно отражающий соотношение "богатые и состоятельные" и "остальные". Это - количество граждан, имеющих заграничный паспорт, то есть социальная группа, представители которой или совершают зарубежные поездки, или же надеются их осуществить. Весомость данного показателя в его объективности и конкретности: он охватывает и тех, кто имеют заграничный паспорт, но никогда им не воспользовались и не воспользуются, и тех, кто раз или два съездили в отпуск в Турцию, где отдых на море намного дешевле, чем в России или на Украине. По данным МВД РФ, таких людей сегодня в России около 8 млн. человек - чуть больше 5% всего населения. Реально же индикаторы материальной обеспеченности россиян еще ниже: по данным туристических организаций, в 2005 г. количество выезжающих за рубеж не превысило 3 млн. человек ("Иностранец", 2006, N 18, с. 8). Другими словами, доля имеющих реальную возможность путешествовать за границей составляет не более 3% населения. В абсолютных цифрах эти 3 или пусть даже 4 - 5 млн. - действительно большое количество (взрослое население средней европейской страны), что вполне достаточно, чтобы создать за рубежом устойчивое представление о благосостоянии россиян. Но ведь остальных, не имеющих такой возможности и поэтому менее заметных для постороннего глаза, - 139 или 140 млн!

Приведенные данные свидетельствуют о том, что социальная структура российского общества резко поляризована и несбалансирована: при крайней малочисленности сред-

него потребительского слоя доля населения, живущего ниже официального уровня бедности, составляет около 30%. Поскольку перераспределение доходов опережает рост экономики и ВВП, адекватного снижения уровня бедности в настоящее время не происходит. И отмечаемый с 2000 г. официальной статистикой десятипроцентный рост реальных доходов россиян, в основном, касается небедных граждан. Так, с апреля 2002 г. по апрель 2003 г. в группе богатых граждан рост среднемесячной прибавки составил 3300 руб., а в группе бедных - всего 116 руб. [Роик, 2004, с. 104]. Соотношение доходов двух крайних децильных групп населения России составляет 16:13, хотя показатель 10:1 уже считается критическим; в Москве разрыв и вовсе достигает 45 раз [Шарин, 2005, с. 25]. Во французском еженедельнике "Le Figaro-economie" (2005, N 3) читаем: "2004 год стал исключительным в России, дав 30% прирост индустрии роскоши. Только москвичи потратили на приобретение предметов роскоши более 4,5 млрд. долл. Около 36 тыс. россиян декларировали доходы за 2004 г., превышающие миллион долларов". Столь стремительное усиление поляризации общества не может создать условия не только для формирования среднего класса, но и просто для его консолидации.

И дело не столько в традициях и менталитете населения, сколько в кардинальных изъянах реформ, когда в процессе трансформации были в значительной степени ликвидированы институты государственного патернализма, но не были созданы условия для самореализации трудоспособного населения. Вместо государственного регулирования экономики Россия получила произвол чиновников государственных органов, использующих высокие должности в своих корыстных интересах. Поэтому "снизу" политическая система страны не складывается, и огромное большинство населения в политическую жизнь не втягивается: она им не нужна. Посему формирование гражданского общества, как и среднего класса, откладывается.

А главное, что сложившаяся за годы реформ порочная социальная модель может быть в этих условиях законсервирована на многие годы. В насквозь коррумпированной социальной среде вряд ли можно ожидать появления слоя новых собственников с развитым гражданским самосознанием, руководствующихся общественными и государственными интересами, заинтересованных в долгосрочных перспективах развития и процветания страны. Сформировавшаяся в России за последние годы деловая культура существенно, если не принципиально отличается от деловой культуры Запада. Восходит это к одной из издержек реформ 1990-х гг. - отсутствию у слоя собственников легитимности в глазах окружающих. Подобное положение делает эфемерным само право собственности: население не верит, что она приобретена законным путем, а отсутствие общественного контроля над деятельностью госаппарата делает владельца имущества беззащитным от произвола последнего. "Отсюда ясно, что расчеты на "перерастание" со временем криминального бизнеса в цивилизованный, по меньшей мере, наивны. Любая культура (а значит, и культура того симбиоза российских чиновников, силовиков, криминала и деловых людей, который мы ныне наблюдаем) по определению способна самовоспроизводиться и защищаться от угроз, идущих извне. Логично предположить, что трансформация подобной "деловой культуры" в нечто более напоминающее западную может занять целую эпоху, если только такая трансформация вообще возможна и будет происходить" [Косолапов, 2002, с. 149].

В таком контексте классический вопрос русской интеллигенции - что делать? приобретает иную направленность - кому делать? Все мало-мальски значимые акторы российской социально-экономической жизни настолько погружены в густую атмосферу бесчисленных компромиссов с совестью и законом, что ожидать от них решительных и последовательных шагов к цивилизованной социально-экономической системе не приходится. Нынешние и подрастающие кадры менеджеров государственного масштаба способны только воспроизводить существующий организованный хаос, они заражены

___ 3 С учетом выплат наличными "в конвертах" в наиболее высокооплачиваемых отраслях это соотношение еще более внушительно.

всеми неизлечимыми нравственными и социальными болезнями современного российского социума.

Здесь, однако, необходимо оговориться, что коррупция и иные формы социальной и нравственной патологии, по аналогии с физическими патологиями, будет, вероятно, всегда сопутствовать человечеству. К этому следует относиться как к исторической реальности. И дело не столько в самой коррупции, сколько в отношении к ней со стороны общества. Там, где всеобщее ее осуждение - статус-социальная норма, где это занятие вызывает у людей брезгливость, считается постыдным и унижительным, там коррупция сведена к минимуму. Загнанная в "моральную резервацию", она не представляет общественно значимой угрозы. Но существует и другая историческая реальность: если социум поощряет и возводит девиации, аномалии и патологии в норму, он неминуемо деградирует и разрушается. Общество, в котором слово "умный" приобретает уничижительный оттенок, а слово "честный" означает безжалостный общественный приговор, находится в стадии очень высокого риска социального вырождения.

Российское общество сегодня, безусловно, тяжело больно. В этой связи красноречивыми представляются итоги репрезентативного исследования коррупции в России, проведенного в 2002 г. фондом ИНДЕМ. Так, из числа респондентов, признавших в даче взятки, 32% испытывали при этом ненависть к нашей государственной системе, которая ставит людей в такие обстоятельства; 5,7% - ненависть ко всей коррумпированной власти; 11,1% - ненависть к чиновнику; 11,4% - унижение; 7,9% - опустошенность; 7,6% - стыд; 3,7% - презрение к себе; 2,2% - боязнь осуждения со стороны знакомых; 1,4% - страх, что могут схватить за руку. Вместе с тем 24,7% опрошенных, которые попали в аналогичную ситуацию, ничего при этом не чувствовали, ибо уже привыкли к такому обороту дел, а 24,4% даже испытали "удовлетворение от того, что удалось заставить чиновника работать на себя" или же "от своего умения решать проблемы" [Сатаров, 2002, с. 19].

Все это свидетельствует, насколько деформируется личность в подобной социальной среде, и о том, хроническое переполнение какого спектра эмоций испытывает ее духовная сфера. Так, почти у двух третей опрошенных взятка формирует ненависть к государству⁴. Что еще более тревожно: для каждого четвертого взяткодателя эта процедура стала привычной. А у 30% такая ситуация вызывает разрушительные эмоции: унижение, стыд, презрение к себе, опустошенность! Показательно, что страх общественного осуждения испытывает лишь один из пятидесяти респондентов, но эту категорию составили, по-видимому, малоопытные "новички". Но самое поразительное - это практически полная уверенность в безнаказанности подобных действий: всего лишь один-два человека из ста испытали страх наказания. Что может нагляднее охарактеризовать общественную атмосферу, сформировавшуюся в России за период социально-политических и экономических преобразований?⁵

Коль скоро за 15 лет с начала экономических реформ коррупция стала важнейшим элементом хозяйственного механизма страны, неудивительно, что новое поколение россиян, отличающееся от старшего ярко выраженной рациональностью, хорошо усвоило подобные правила игры. Его представители четко знают, как добиться успеха и в бизнесе, и в деле продвижения по ступеням государственной бюрократии. Всероссийский опрос Института социологии РАН 2003 г. показывает сравнительную оценку респондентами условий социального продвижения в социалистическом и постсоциалистическом обществах (см. табл. 2).

Весьма показательно, что такие факторы, как "богатые родители", "родственники-руководители", оказываются, по мнению респондентов, решающими для продвижения в

⁴ В этих условиях разработка и внедрение государственных программ по патриотическому воспитанию населения выглядит если не бессмысленной, то, по меньшей мере, бесперспективной.

⁵ В 2005 г. ИНДЕМ провел повторное исследование, показавшее: масштабы коррупции в России выросли за три года в два раза.

Таблица 2 Критерии социального продвижения в советскую и рыночную эпоху (оценка по семибалльной шкале)

Наименование	Советская эпоха	Рыночная эпоха
Богатые родители	4,57	6,89
Родственники-руководители	5,31	6,59
Хорошее образование	6,22	5,33
Полезные связи	5,76	6,71
Трудолюбие	6,10	5,13
Упорство, настойчивость	6,05	5,84
Умение рисковать	4,55	6,15
Претензии, амбиции	5,25	5,44
Природный ум	6,20	5,56
Проживание в столице	3,59	4,60
Национальность	2,66	3,75
Умение нравиться людям	5,23	5,77
Политические взгляды	5,67	3,51
Честность	5,44	3,43
Законопослушание	4,54	3,53
Независимый характер	4,44	4,61
Удача	5,67	6,17

Источник [Социальная... 2003, с. 105].

нынешнюю эпоху. Роль же "хорошего образования", "природного ума" и "трудолюбия" как условий карьерного успеха значительно упала. Что касается таких качеств личности, как "законопослушание" и "честность", то их рейтинг самый низкий из перечисленных.

Безжалостный практицизм и демонстративный цинизм многих представителей новой генерации россиян переводят вопрос о формировании у нас этики предпринимательства, подобной западной протестантской или русской старообрядческой, в чисто теоретическую плоскость. Какого набора социокультурных и моральных ценностей следует ожидать от "постприватизационного" поколения, когда его наиболее активная в предпринимательстве и карьерно-ориентированная в управлении часть составит основу будущего правящего класса? Поэтому достаточно популярный в среде аналитиков тезис о детях тех, кто, по самокритичному выражению Е. Гайдара, успели ""распихать" общественную собственность по своим карманам" [Гайдар, 1995, с. 193], как о создателях цивилизованного рынка, выглядит очередной романтической утопией.

Ситуация осложняется и тем, что доля промышленного сектора в народно- хозяйственном балансе за последние 15 лет резко понизилась. Сложившийся сегодня в России предпринимательский корпус ориентирован преимущественно на финансовые, торговые и посреднические услуги, где не нужны усилия по организации производства, а прибыль можно получить значительно быстрее. В этой сфере экономики для успешного бизнеса требуется прежде всего умение находить контакт с огромным числом чиновников как федеральных, так и местных органов власти, что требует от бизнесмена набора соответствующих качеств. Что же касается сферы производства, особенно высокотехнологического, то помимо значительных по сравнению с торговлей и услугами капиталовложений с длительным сроком окупаемости, от предпринимателя требуются такие качества, как специальное образование, высокий интеллектуальный уровень, профессионализм, умение организовать производство, ответственность, широкий кругозор, способность к инновациям, общая культура.

Нынешняя государственная политика, направленная на превращение России в великую энергетическую державу (удачно найденный эвфемизм энергетического прироста развитых стран Запада и Востока), еще больше сужает перспективы постиндустриального развития. Действительно, зачем нужны усилия по созданию и развитию производства, его модернизации, когда все, что необходимо, можно купить на внешнем рынке за деньги, полученные от продажи углеводородов и сырья? Примитивизация экономики - еще один барьер по формированию современных промышленников и предпринимателей, составляющих в развитых странах существенную часть среднего класса.

Впрочем, чтобы не впасть окончательно в пессимизм, хотелось бы в заключение подчеркнуть: исторический опыт показывает, что для возникновения зрелого гражданского общества с соответствующей социальной структурой необходим временной период, включающий жизнь не одного, а двух или более поколений. Разумеется, и в нашей стране, несмотря на перечисленные выше сложности, будет построено подобное общество и обязательно появится его социальная основа - средний класс. Современная Россия уже не сможет снова оказаться вне общемировых процессов: в условиях глобализации путь назад к изоляционной модели практически исключен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1995.
Галкин А. Социальная структура современной России. М., 2004.
Гегель Г.-В.-Ф. Философия права. М., 1990.
Герасимова М. В., Громова Е. И., Шпаро К. И. Автопортрет среднего класса в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. N 2.
Гринберг Р. Философия кубышки. Российская экономика: промежуточные итоги // Свободная мысль - XXI. 2004. N 4.
Дзарасов С. С. Теория капитала и экономического роста. М., 2005.
Косолапов Н. Итоги десятилетия российских реформ // Pro et Contra. 2002. N 2.
Костиков В. Российский бизнес еще не осознает себя как созидательный класс // Аргументы и факты. 2007. N 29.
Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993 - 2000. М., 2000.
Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1995.
Римашевская Н. Человек и реформы. Секреты выживания. М., 2003.
Роик В. Д. Основы социального страхования. М., 2004.
Российское общество: становление демократических ценностей. М., 2000.
Россия в глобализирующемся мире: политико-экономические очерки. М., 2004.
Саблина С. Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2000. N 1 - 2.
Сависаар Э. Верю в Эстонию. Таллин, 2003.
Сатаров Г. А. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции // Общественные науки и современность. 2002. N 6.
Социальная стратификация российского общества. М., 2003.
Степанова О. К. Понятие "интеллигенция": судьба в символическом пространстве и во времени // Социологические исследования. 2003. N 1.
Умов В. И. Российский средний класс. Социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. 1993. N 4.
Шарин В. Можно ли прекратить воспроизводство бедности? // Человек и труд. 2005. N 7.
Эрхард Л. Благополучие для всех. Таллин, 1998.